

ЧАСТЬ I. теория механизмов защиты

Глава 1. Эго как точка наблюдения

Определение психоанализа

В развитии психоаналитической науки были этапы, когда теоретические исследования индивидуального эго было крайне непопулярны. Многие аналитики придерживались идеи, что в анализе ценность научной и терапевтической работы находится в прямой зависимости от глубины психического пласта, на котором сфокусировано внимание. Всякий раз, когда интерес сдвигался от глубинных к более поверхностным психическим пластам, то есть, когда исследование отклонялось от ид к эго, это воспринималось, как отступничество от психоанализа как такового. Преобладало мнение, что понятие *психоанализ* должно быть зарезервировано для новых открытий, связанных с бессознательной психической жизнью, то есть, исследований подавленных инстинктивных импульсов, аффектов и фантазий. Таких проблем, как приспособление детей или взрослых к внешнему миру, таких значимых понятий, как здоровье и болезнь, добродетель и порок, психоанализ не должен касаться. Исследования должны быть ограничены исключительно инфантильными фантазиями, сохранившимся и во взрослой жизни, символическим удовлетворением и наказанием, ожидаемым в качестве расплаты за него.

Такое определение психоанализа довольно часто встречалось в психоаналитических трудах, и было, возможно, оправдано практикой его применения, в русле которого психоанализ и глубинная психология всегда рассматривались как синонимы. Кроме того, отчасти обоснование тому давало прошлое, ибо, можно сказать, что с самых ранних лет нашей науки ее теория, созданная на эмпирической основе, была исключительно психологией бессознательного или, как мы сказали бы сегодня, психологией ид. Но это определение немедленно утрачивает все притязания на точность, как только мы применяем его к психоаналитической терапии. С самого начала анализ, как терапевтический метод, имел дело с эго и его отклонениями, исследование ид и его функционирования всегда было лишь средством для достижения цели. И цель неизменно была одна: коррекция этих отклонений и восстановление эго в его целостности.

Когда труды Фрейда, начиная с произведений «*Психология масс и анализ Я*» (1921) и «*По ту сторону принципа удовольствия*» (1920), приняли новое направление, клеймо аналитической неортодоксальности с исследований эго спало, и интерес определенно сосредоточился на инстанциях эго. С тех пор термин «глубинная психология» не покрывает всей области психоаналитических исследований. В настоящее время мы должны, видимо, определить задачу анализа следующим образом: получить самое полное знание обо всех трех инстанциях, из которых, как мы уверены, состоит психическая личность, и изучить их отношения между собой и с внешним миром. Таким образом, по отношению к эго это означает исследовать его содержание, границы и функции, проследить историю его зависимости от внешнего мира, ид и суперэго; по отношению к ид — дать описание инстинктов, то есть содержания ид, и проследить их трансформации.

Ид, эго и суперэго в самовосприятии

Все мы знаем, что эти три психических инстанции значительно различаются по степени их доступности наблюдению. Сведения об ид, которое раньше называлось системой *бессознательного*, могут быть получены только

через производные, которые пробивают дорогу в системы *предсознательного* и *сознательного*. Если внутри ид преобладает состояние покоя и удовлетворения, так что ни у одного инстинктивного импульса нет основания вторгаться в эго в поисках удовлетворения и вызывать в нем чувства напряжения и неудовольствия, мы не можем ничего узнать о содержании ид. Из этого следует, по крайней мере, теоретически, что ид не всегда доступно для наблюдения.

В случае с суперэго ситуация, несомненно, иная. Его содержание большей частью сознательно и, таким образом, может быть непосредственно доступно эндопсихическому¹ восприятию. Однако наше представление о суперэго имеет тенденцию терять ясность, когда между ним и эго существуют гармоничные отношения. Тогда мы говорим, что они совпадают, соответственно, в такие моменты суперэго в качестве отдельной инстанции, недоступно для восприятия ни самому субъекту, ни внешнему наблюдателю. Его контуры проявляются лишь тогда, когда оно выступает против эго, с враждебностью или, по меньшей мере, с критикой. Суперэго, как и ид, становится различимым для восприятия через состояния, которые оно вызывает в эго, например, когда его критика вызывает чувство вины.

Эго как наблюдатель

Это означает, что собственно полем нашего наблюдения всегда является эго. Это, если можно так выразиться, посредник, через которое мы пытаемся получить представление о других двух инстанциях.

Когда отношения между двумя соседствующими силами — эго и ид — носят мирный характер, первая из них превосходно выполняет свою роль наблюдателя за второй. Различные инстинктивные импульсы постоянно пробиваются из ид в эго, где они получают доступ к двигательному аппарату, посредством которого добиваются удовлетворения. В благоприятных случаях эго не возражает против вторжения незваного гостя, а предоставляет в его распоряжение собственную энергию, ограничиваясь наблюдением. Оно отмечает возникновение инстинктивного импульса,

¹ То есть, относящемуся к сфере сознания. — *Прим. ред.*

усиление напряжения и чувства неудовольствия, которыми этот импульс сопровождается, и, в конце концов, разрядку напряжения в момент, когда достигается удовлетворение. Наблюдение за процессом в целом дает нам ясное и неискаженное представление о данном инстинктивном импульсе, количестве либидо, связанного с ним и цели, к которой он стремится. Эго, если оно санкционирует импульс, не входит в эту картину вообще.

К сожалению, само прохождение инстинктивного импульса от одной инстанции к другой может служить сигналом для возникновения различных конфликтов, в результате чего наблюдение за ид неизбежно прерывается. На своем пути к удовлетворению импульсы ид должны пройти через территорию эго, и здесь они оказываются в чужеродной среде. В ид преобладают так называемые «первичные процессы»²; идеи здесь не подвергаются синтезу, аффекты подлежат смещению³, противоположности не являются взаимоисключающими и могут даже совпадать, а конденсация⁴ является само собой разумеющейся. Ведущим принципом, управляющим психическими процессами, является принцип получения удовольствия. В эго, напротив, ассоциация идей подчинена строгим условиям, которые мы обозначаем широким термином «вторичные процессы»⁵; кроме того, инстинктивные импульсы уже не могут быть направлены непосредственно к удовлетворению — они

² Здесь — более примитивные, появляющиеся на ранней стадии развития. — *Прим. пер.*

³ Смещение аффекта — бессознательный процесс, в результате которого аффект переносится с одного объекта на другой, более удобный или безопасный. — *Прим. ред.*

⁴ Конденсация — первичный процесс, характерный для бессознательного мышления, в частности, для сновидения. Выражается в объединении двух или более образов, объектов, желаний или событий в едином представлении, одном составном образе или симптоме. Единый образ, возникающий на пересечении нескольких ассоциативных цепей, суммирует в себе энергию, перемещающуюся по этим цепям. — *Прим. ред.*

⁵ Вторичные процессы развиваются позднее первичных, одновременно с эго и адаптацией к внешнему миру; управляются принципом реальности и отвечают за сообразное действительности, логическое мышление и снижение инстинктивного напряжения посредством адаптивного поведения. — *Прим. ред.*

должны учитывать требования реальности, и более того, соответствовать этическим и моральным правилам, посредством которых суперэго стремится управлять поведением эго. Следовательно, эти импульсы рискуют вызвать неудовольствие инстанций, крайне чуждых им. Они оказываются подвержены критике, подавлению и разного рода модификациям. Мирные отношения между соседствующими силами прекращаются. Инстинктивные импульсы продолжают преследовать свои цели со свойственным им упорством и энергией, и они совершают враждебные вторжения в эго в надежде свергнуть его внезапной атакой. Эго со своей стороны становится подозрительным, оно совершает контратаки и вторгается на территорию ид. Его цель состоит в том, чтобы удерживать инстинкты постоянно в состоянии бездействия посредством соответствующих защитных мер, выработанных, чтобы обезопасить собственные границы.

Картина этих процессов, сложившаяся у нас благодаря способности эго к наблюдению, в большей степени беспорядочна, но в то же время она более значима. Она показывает нам две психических инстанции в действии в один и тот же момент. Мы уже не видим неискаженный импульс ид, но импульс ид, модифицированный определенными защитными мерами со стороны эго. Задача аналитика-наблюдателя — разложить картину, иллюстрирующую компромисс между отдельными инстанциями, на составляющие ее части: ид, эго и, возможно, суперэго.

Вторжения ид и вторжения эго как материал для наблюдения

Во всем этом нас поражает факт, что вторжения с той и с другой стороны с точки зрения наблюдения не являются равноценными. Все защитные меры эго против ид приводятся в действие тихо и незаметно. Все, что мы можем сделать, это реконструировать их ретроспективно, так как мы никогда не сможем наблюдать их в действии. Это утверждение применимо, например, к случаям успешного вытеснения. Эго ничего не знает о нем, мы догадываемся

о произошедшем лишь впоследствии, когда становится очевидно, что чего-то недостает. Когда, в частности, мы пытаемся сформировать объективное суждение о некоем человеке, мы осознаем, что определенные импульсы отсутствуют, хотя их возникновение на территории эго в поисках удовлетворения было ожидаемо. Если они так и не появляются, мы можем лишь предположить, что доступ в эго для них закрыт, то есть, что они подверглись вытеснению. Но это ничего не говорит нам непосредственно о процессе вытеснения.

То же самое верно и по отношению к успешному формированию реакции⁶, которое является одной из наиболее значимых мер, предпринимаемых эго в качестве постоянной защиты от ид. Такие формирования возникают в эго почти незаметно в процессе развития ребенка. Мы не можем даже утверждать, что внимание эго было предварительно сфокусировано на противоположном инстинктивном импульсе, которое замещено в результате формирования реакции. Как правило, эго ничего не знает об отторжении импульса или в целом о конфликте, который привел в результате к появлению новой характерной черты. Аналитик-наблюдатель мог бы легко расценить произошедшее как спонтанное развитие эго, если бы не вполне определенные признаки навязчивого преувеличения, указывающие, что по сути это реакция, и что за ней скрыт давнишний конфликт. В данном случае наблюдение за определенным способом защиты тоже не раскрывает ничего о процессе, который привел к ее развитию.

Надо отметить, что вся важная информация, которой мы обладаем, была получена в процессе изучения вторжений с противоположной стороны, а именно, вторжений ид в эго. Скрытность успешного вытеснения лишь компенсируется прозрачностью процесса вытеснения, когда движение меняет направление, то есть когда вытесненное содержание возвращается, как это можно наблюдать в случае невроза.

---

⁶ Формирование реакции (используется также термин «реактивное образование») — защитный механизм, заключающийся в усилении тенденции, противоположной по отношению к некоему неприемлемому импульсу. Например, мягкость, обходительность может быть формированием реакции против жестокости. — *Прим. пер.*

Здесь мы можем проследить каждую стадию конфликта между инстинктивным импульсом и защитой эго. Точно так же формирование реакции может быть лучше всего изучено, когда такие формирования находятся в процессе распада. В этом случае вторжение ид принимает форму возрастания либидо, вложенного в исходный инстинктивный импульс, который был скрыт формированием реакции. Это позволяет импульсу пробиться в сознание, и на какое-то время инстинктивный импульс и формирование реакции становятся видимы в пределах эго одновременно. Вследствие другой функции эго — его стремления к синтезу — это состояние дел, которое особенно благоприятно для аналитического наблюдения, длится лишь несколько мгновений. Затем возникает новый конфликт между производной ид и действиями эго, в ходе которого решается, кто из них одержит верх или какой будет установлен компромисс. Если в результате усиления энергетического заряда защита, выстроенная эго, оказывается успешной, вторжение ид терпит поражение, и в душе снова воцаряется мир, то есть ситуация, максимально неблагоприятная для нашего наблюдения.

Глава 2. Применение аналитической техники к исследованию психических инстанций

В первой главе я описала условия, в которых должно проводиться психоаналитическое наблюдение за психическими процессами. Далее я намереваюсь рассказать о том, как наша аналитическая техника в процессе своего развития приспособлялась к этим условиям.

Гипнотическая техника в доаналитический период

В гипнотической технике доаналитического периода роль эго была все еще всецело негативной. Цель гипнотизера заключалась в том, чтобы получить доступ к содержанию бессознательного, и он рассматривал эго исключительно

как фактор, затрудняющий ему работу. Тогда уже было известно, что с помощью гипноза можно обойти или, во всяком случае, заглушить эго пациента. Новой особенностью техники, описанной в книге «*Исследования истерии*» (1893—1895), было то, что врач извлекает пользу, обходя эго и получая доступ к бессознательному пациента, теперь известному как ид, путь к которому был ранее заблокирован эго. Таким образом, целью было раскрытие бессознательного; эго было помехой, а гипноз был средством его временного устранения. Когда под гипнозом вскрывалась часть бессознательного материала, врач вводил ее в эго, и результатом такого принудительного введения в сознание было устранение симптома. Но эго не принимало участия в терапевтическом процессе. Оно терпело незваного гостя, пока само находилось под влиянием врача, вызвавшего гипнотическое состояние. После чего оно поднимало мятеж и начинало новую борьбу, чтобы защитить себя от того элемента ид, который был ему навязан, и в итоге терапевтический успех, которого добивались с таким усердием, оказывался нивелирован. Можно сказать, что величайший триумф гипнотической техники — полное устранение эго на период анализа — оказался неэффективным с точки зрения устойчивости результатов, что привело к разочарованию в ценности данной техники.

Свободные ассоциации

Даже при использовании свободных ассоциаций — метода, заменившего гипноз, — роль эго являлась все еще отрицательной. Правда, эго пациента больше не пытались устранять насильственно. Вместо этого оно должно было самоустраниться, воздержаться от критики ассоциаций и игнорировать требования логической связности, которые во всех прочих случаях признавались правомочными. От эго, фактически, требуется одно — молчать, а ид побуждают говорить и обещают, что его производные не встретятся с обычными трудностями, если они появятся в сознании. Конечно, никто не обещает, что, возникнув в эго, они достигнут своей инстинктивной цели, в чем бы она ни заключалась. Договор действителен только для их перевода в

словесную репрезентацию, он не дает им права на контроль над двигательным аппаратом, который является реальной целью их возникновения. В действительности, этот аппарат заранее выводится из действия строгими правилами аналитической техники. Таким образом, нам приходится играть с инстинктивными импульсами пациента в двойную игру, с одной стороны, поощряя их выражение, а с другой — постоянно отказывая им в удовлетворении, — процедура, которая попутно порождает одну из многочисленных трудностей в применении аналитической техники.

Даже сегодня многие начинающие аналитики полагают, что важно добиться успеха в том, чтобы побудить своих пациентов открыто, и без каких-либо ограничений выдавать все возникающие у них ассоциации без изменений или подавлений и сдерживания, то есть безоговорочно следовать основному правилу анализа. Но, даже если бы этот идеал был достигнут, в этом не было бы никакого прогресса, ибо, в конечном счете, это просто означало бы возвращение к ныне устаревшему подходу с использованием гипноза, с его ущербной концентрацией врача на ид. К счастью для анализа, такое послушание со стороны пациента практически недостижимо. Основному правилу невозможно следовать далее определенного момента. Эго какое-то время хранит молчание, а производные ид пользуются этой паузой, чтобы пробиться в сознание. Аналитик спешит уловить их выражение в высказываниях пациента. Затем эго вновь пробуждается, отвергает установку пассивной терпимости, которую оно было вынуждено принять, и посредством того или иного защитного механизма, находящегося в его распоряжении, вмешивается в поток ассоциаций. Пациент нарушает основное правило анализа, или, как мы говорим, воздвигает «сопротивление». Это означает, что вторжение ид в эго уступило место контратаке эго на ид. Внимание наблюдателя теперь переключается с ассоциаций на сопротивление, то есть, от содержания ид на действия эго. Аналитик получает возможность наблюдать, здесь и сейчас, введение в действие одного из тех защитных средств против ид, которые я уже описала и которые столь скрытны, и теперь он должен сделать его объектом своего исследования. Тогда

он отмечает, что с изменением объекта внезапно меняется ситуация анализа. Его анализу и способствует естественная тенденция производных и подниматься к поверхности: направление его усилий и стремления материала, который он пытается анализировать, совпадают.

При анализе защитных действий эго подобной общности цели, конечно же, нет. Бессознательные элементы эго не склонны выходить в сознание и они не получают от этого никакой пользы. Таким образом, любой этап анализа эго является гораздо менее удовлетворяющим, чем анализ ид. Он должен осуществляться косвенными путями, он не может следовать непосредственно за активностью эго. Единственная возможность заключается в том, чтобы реконструировать эту активность на основе ее влияния на ассоциации пациента. Исходя из эффекта, вызванного этим влиянием — будь то упущение или пропуск, их перестановка, смещение смысла и т.д., — мы надеемся установить, какого типа защита была использована эго при его вмешательстве. Таким образом, первейшая задача аналитика — распознать защитный механизм. Если он сделает это, часть анализа эго будет выполнена. Его следующая задача будет состоять в том, чтобы отменить то, что было сделано защитой, то есть обнаружить и восстановить на прежнее место то, что было опущено вытеснением, исправить смещение и поставить то, что было вырвано, обратно в исходный контекст. Когда он восстановит разорванные связи, он вновь переключает свое внимание с анализа эго на анализ ид.

Так мы приходим к пониманию, что нас интересует не просто соблюдение основного правила анализа ради него самого, а конфликт, который он порождает. Лишь тогда, когда наблюдение попеременно фокусируется то на ид, то на эго, а интерес движется в двух направлениях, охватывая обе стороны человека, находящегося перед нами, мы можем говорить о *психоанализе*, в отличие от одностороннего, однобокого метода гипноза.

Разные другие средства, используемые в аналитической технике, теперь легко могут быть классифицированы исходя из того, направлено ли внимание наблюдателя на одну сторону или на другую.

Толкование сновидений

Ситуация, когда мы интерпретируем сновидения нашего пациента и ситуация, когда мы следим за его свободными ассоциациями, по сути, одно и то же. Психическое состояние спящего незначительно отличается от состояния пациента в течение сеанса анализа. Подчиняясь основному правилу анализа, он по своей воле приостанавливает некоторые функции эго; у спящего это происходит автоматически под влиянием сна. Пациенту приходится спокойно лежать на кушетке аналитика, чтобы не иметь возможности удовлетворить свои инстинктивные желания в действии; точно так же во сне двигательная система приводится в состояние бездействия. И влияние цензуры, перевод латентных мыслей сновидения в явное содержание сна, с искажениями, конденсациями, смещениями, перестановками и опущениями соответствуют искажениям, возникающим в ассоциациях под давлением сопротивления. Интерпретация сновидений, таким образом, помогает нам в нашем исследовании ид в той степени, в какой она оказывается успешной в раскрытии латентных мыслей сновидения (содержание ид), а также в нашем исследовании инстанций эго и его защитных действий, поскольку это позволяет нам реконструировать шаги, предпринятые цензором, чтобы повлиять на содержание сновидения.

Толкование символов

Один побочный продукт толкования сновидений, а именно понимание символов сна, в значительной степени способствует успеху нашего исследования ид. Символы — это устойчивые и универсально достоверные связи между особыми содержаниями ид и конкретным словом или образом предмета. Знание этих связей позволяет нам сделать надежные выводы относительно бессознательного содержания, скрывающегося за наблюдаемыми сознательными проявлениями, без предварительной трудоемкой работы по аннулированию тех мер, которые были предприняты эго в качестве защиты. Техника перевода символов — это кратчайший путь к пониманию, или, вернее, способ спуститься

из высших слоев сознания к низшим слоям бессознательного, не делая остановок на промежуточных уровнях, отражающих предшествующие действия эго, которые могли ранее заставить некое содержание ид принять определенную форму эго. Знание языка символов столь же значимо для понимания ид, как знание математических формул — для решения типичных задач. Использование таких формул может принести большую пользу. И не важно, известно ли вам, как именно они были получены. Однако, хотя они и помогают решать задачи, они не способствуют нашему пониманию математики. Точно так же, посредством перевода символов мы можем раскрыть содержание ид, но не достичь более глубокого психологического понимания индивида, с которым имеем дело.

Парапраксии (ошибочные действия)

Время от времени мы сталкиваемся с проблесками бессознательного, проявляющимися иным способом, а именно во вторжениях ид, которые известны как парапраксии. Как мы знаем, эти вторжения не обязательно связаны с ситуацией анализа. Они могут проявиться в любое время, когда при определенных обстоятельствах бдительность эго ослабляется или отводится в сторону и бессознательный импульс (опять же при определенных обстоятельствах) внезапно усиливается. Такие парапраксии, особенно в форме оговорок и забывания, могут, конечно, иметь место и в ходе анализа, когда они освещают, подобно вспышке молнии некоторые детали бессознательного содержания, которые мы, возможно, долго пытались интерпретировать аналитически. На ранних этапах развития аналитической техники такие неожиданные сюрпризы радушно принимались как почти неопровержимое доказательство существования бессознательного для пациентов, невосприимчивых к аналитическим инсайтам. В таких случаях аналитики были рады возможности продемонстрировать на легко понятных примерах действие различных механизмов, таких, как смещение, конденсация и опущение. Но, в сущности, важность этих случайных эпизодов для аналитической техники снижается, по сравнению

с теми вторжениями ид, которые вызываются намеренно в целях содействия аналитической работе.

Перенос

То же самое теоретическое различие между наблюдением за ид с одной стороны, и наблюдением за эго с другой, может быть проведено в случае интерпретации переноса, возможно, наиболее мощного инструмента в руках аналитика. Под переносом мы понимаем все те импульсы, которые испытывает пациент в своих отношениях с аналитиком, которые не порождаются в данный момент самой аналитической ситуацией, но исходят из ранних, — более того, очень ранних — объектных отношений⁷, и в данный момент лишь воссоздаются под влиянием навязчивого повторения⁸. Поскольку эти импульсы — повторения, а не новые образования, они имеют исключительную ценность как средство получения информации о прошлых аффективных переживаниях пациента. Мы увидим, что можно выделять различные типы переноса в соответствии со степенью их сложности.

Перенос импульсов либидо

Первый тип переноса чрезвычайно прост. Пациент обнаруживает, что его отношения с аналитиком нарушаются вмешательством сильных эмоций, например, любви, ненависти, ревности, тревоги, возникновение которых не оправдано происходящим в реальной ситуации. Сам

---

⁷ Поскольку психоанализ, как психология индивидуального организма, рассматривает явления исключительно с точки зрения отдельного субъекта, под объектным отношением подразумевают одностороннее отношение субъекта к своему объекту. Использование термина «объект» не означает, что эти отношения уподобляются отношению личности (субъекта) к неодушевленному предмету, доступному любым его манипуляциям (объекту). Значение слова «объект» в данном случае схоже с тем смыслом, который вкладывается в выражения «объект моей страсти», «объект моей ненависти» и т.д. Специфика объектных отношений в том, что они несут в себе отпечаток внутренней организации личности (субъекта), которая воспринимает свой объект сквозь призму фантазий, влечений, выбранных методов защиты и т.д. — *Прим. ред.*

⁸ Навязчивое стремление человека повторять в текущей ситуации вытесненные установки, отношения и модели поведения, связанные с ранними переживаниями без осознания их причастности к прошлому опыту. — *Прим. ред.*

пациент сопротивляется этим эмоциям, чувствует стыд, унижение и т.д., когда они проявляются против его желания. Часто лишь делая упор на соблюдении основного правила анализа, мы можем проложить для них путь к сознательному выражению. Дальнейшее исследование раскрывает истинный характер этих аффектов — они являются вторжениями ид. Их источник — в старых аффективных комбинациях, таких, как эдипов комплекс и комплекс кастрации, и они становятся объяснимыми и оправданными, если мы отделим их от ситуации анализа и поместим в некую детскую эмоциональную ситуацию. Когда они, таким образом, помещаются в надлежащее им место, они помогают нам заполнить провал в памяти пациента и дают нам новые сведения о его детской инстинктивной и аффективной жизни. Обычно пациент с готовностью сотрудничает с нами в процессе интерпретации, поскольку чувствует, что возникший в виде переноса эмоциональный импульс — это вторгшееся инородное содержание. Помещая его на соответствующее место в прошлом, мы освобождаем пациента от импульса, чуждого его эго, в настоящем, таким образом позволяя ему продолжить аналитическую работу. Нужно отметить, что интерпретация этого первого типа переноса помогает лишь наблюдению за ид.

Перенос защиты

Иное дело, когда мы сталкиваемся со вторым типом переноса. Навязчивое повторение, которое доминирует у пациента в ситуации анализа, распространяется не только на импульсы ид, берущие начало в прошлом, но в равной степени и на защитные меры, выработанные в прошлом против инстинктов. Таким образом, переносу подвергаются не только неискаженные инфантильные импульсы ид, которые становятся объектом цензуры со стороны взрослого эго вторично и только когда они пробиваются к сознательному выражению; пациент также переносит импульсы ид во всех тех искаженных формах, которые они приобрели, когда он был еще ребенком. В крайних случаях, непосредственно инстинктивный импульс может никогда не участвовать в переносе, в нем проявляется лишь определенная защита, предпринятая эго против неких позитивных или нега-

тивных установок либидо, таких как, например, реакция избегания позитивной фиксации любви при скрытой женской гомосексуальности или фемининно-мазохистская установка подчинения, которую Вильгельм Райх отметил у пациентов-мужчин, отношения которых с отцами некогда характеризовались агрессивностью. По моему мнению, мы поступаем несправедливо по отношению к нашим пациентам, когда описываем эти защитные реакции переноса, как «камуфляж», или говорим, что пациенты «вешают аналитику лапшу на уши» или как-то иначе обманывают его. И действительно, нам будет сложно настаивать на неуклонном соблюдении основного правила, то есть оказывать давление, требуя от пациента быть искренним и обнажить импульс ид, который скрыт за защитой, принявшей вид переноса. Пациент искренен, когда он дает выражение импульсу или аффекту единственным доступным ему способом, а именно — в искаженной защитной форме. Я думаю, что в таком случае аналитик не должен опускать ни одной промежуточной стадии процесса трансформации, которой подвергся инстинкт, и стараться любой ценой достичь непосредственно исходного инстинктивного импульса, против которого эго установило свою защиту и ввести его в сознание пациента.

Наиболее правильным методом является смещение фокуса внимания в процессе анализа, переключение с инстинкта на конкретный защитный механизм, то есть с ид — на эго. Если нам удастся восстановить путь, проделанный инстинктом в ходе его трансформаций, то выигрыш в анализе будет двойным. Явление переноса, которое мы интерпретировали, распадается на две части, которые берут начало в прошлом: либидозный или агрессивный элемент, принадлежащий ид, и защитный механизм, который мы должны приписать эго, в большинстве случаев — эго того же самого периода в детстве, в котором впервые возник импульс ид. Мы не только заполняем пробел в памяти пациента о его инстинктивной жизни, как мы можем это сделать, интерпретируя первый, простой тип переноса, но мы также получаем информацию, которая заполняет пробелы в истории развития эго, или, говоря иначе, истории трансформаций, которым подверглись его инстинкты.

Интерпретация второго типа переноса более плодотворна, чем интерпретация первого типа, но именно она ответственна за большую часть технических трудностей, которые возникают между аналитиком и пациентом. Пациент не воспринимает реакции переноса второго типа как инородное содержание, и это не удивительно, если мы задумаемся над тем, какую большую роль играет эго, — даже притом, что это эго первых лет жизни, — в их продуцировании. Нелегко убедить пациента в повторяющейся природе этих явлений. Форма, в которой они возникают в его сознании, созвучна эго. Искажения, внесенные по требованию цензуры, относятся к далекому прошлому, и взрослое эго не видит причин, чтобы остерегаться их появления в свободных ассоциациях. Прибегая к рационализации, пациент легко закрывает глаза на несовместимости причины и следствия, которые так заметны для наблюдателя и показывают со всей очевидностью, что у переноса нет объективных оснований. Когда реакции переноса принимают такую форму, мы не можем рассчитывать на добровольное сотрудничество пациента, как при описанных ранее реакциях первого типа. Всякий раз, когда интерпретация затрагивает неизвестные элементы эго, его действия в прошлом, эго начинает препятствовать процессу анализа. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, которую обычно описываем не очень удачным термином «анализ характера».

С теоретической точки зрения явления, обнаруженные посредством интерпретации переноса, распадаются на две группы: содержания ид и действия эго, которые в каждом случае были доведены до сознания. Результаты интерпретации свободных ассоциаций пациента тоже могут быть классифицированы: непрерывный поток ассоциаций проливает свет на содержание ид, а возникновение сопротивления — на защитные механизмы, используемые эго. Единственное отличие в том, что интерпретация переноса относится исключительно к прошлому, и может осветить за мгновение целые периоды из прошлой жизни пациента, в то время как содержание ид, обнаруженное в свободных ассоциациях, не связано ни с каким конкретным периодом, а защитные действия эго, проявившиеся в ходе анализа в форме сопротивления свободным ассоциациям, могут также относиться к его настоящей жизни.

Действие в переносе

Еще один важный вклад в наше знание пациента сделан третьей формой переноса. В интерпретации сновидений, в свободных ассоциациях, интерпретации сопротивления и в описанных выше формах переноса пациент, который предстает перед нами, всегда включен в ситуацию анализа, то есть находится в неестественном эндопсихическом состоянии. Соотношение сил двух инстанций было изменено: перевес оказался на стороне ид, в одном случае под влиянием сна, а в другом — благодаря соблюдению основного правила анализа. Сила факторов эго, когда мы сталкиваемся с ними — будь то в форме цензуры сновидений или сопротивления свободным ассоциациям, — снижена, и их влияние ослаблено, и нам часто чрезвычайно трудно воспроизвести их в их естественной величине и силе.

Мы все знакомы с обвинением, часто выдвигаемым против аналитиков, что они могут хорошо знать бессознательное пациента, но оказываются плохими знатоками эго эго. Эта критика, в какой-то мере, возможно, оправдана, поскольку аналитик не имеет возможности наблюдать в полной мере эго пациента в действии.

Так или иначе, может произойти интенсификация переноса, в процессе которой пациент на время перестанет соблюдать строгие правила аналитического лечения и начнет отыгрывать в своем повседневном поведении как инстинктивные импульсы, так и защитные реакции, которые включены в его подвергшиеся переносу аффекты. Это то, что известно как *действие* в переносе — процесс, в котором, строго говоря, границы анализа уже преодолены. С точки зрения аналитика это информативно, поскольку психическая структура пациента автоматически проявляется в своих естественных пропорциях. Всякий раз, преуспевая в интерпретации этого «действия», мы можем разделить действия переноса на их составные части, и тем самым выявить фактическое количество энергии, используемой в данный конкретный момент различными инстанциями. В отличие от наблюдений, сделанных в процессе работы со свободными ассоциациями пациента, эта ситуация показывает нам как абсолютное, так и относительное количество энергии, естественно внесенное каждой из инстанций.

Хотя интерпретация «действия» в переносе позволяет нам получить достаточно ценные инсайты, терапевтические достижения обычно оказываются незначительными. Приведение бессознательного в сознание и осуществление терапевтического воздействия на отношения между ид, эго и суперэго, очевидно, зависят от ситуации анализа, которая создается искусственно, и все еще напоминает гипноз в том смысле, что активность образований эго снижена. До тех пор, пока эго продолжает функционировать свободно или же если оно действует сообща с ид и просто следует своей воле, для эндопсихических смещений и осуществления воздействий извне имеется мало возможностей. Следовательно, эта третья форма переноса, которую мы называем *действием*, оказывается еще более сложной для аналитика, чем работа с переносом различных типов защиты. Естественно, он должен попытаться в максимальной степени ограничить ее посредством аналитических интерпретаций, которые он предлагает, и неаналитических ограничений, которые он устанавливает.

Отношение между анализом ид и анализом эго

Я достаточно детально описала, как явление переноса разделяется на три рубрики: перенос либидозных тенденций, перенос защитных установок и действие в переносе. Моя цель состояла в том, чтобы показать, что технические трудности анализа относительно невелики, если задача состоит в том, чтобы привести производные бессознательного в сознание, и что они оказываются очень существенными, если нам приходится иметь дело с бессознательными элементами в эго. Это можно лучше выразить следующим образом: трудности не связаны с нашей аналитической техникой как таковой; она не менее пригодна для введения в сознание бессознательных частей эго, чем для введения в сознание бессознательных частей ид или суперэго. Только мы, аналитики, меньше знакомы с трудностями анализа эго, чем с трудностями анализа ид. Аналитическая теория уже не придерживается мнения, что понятие эго идентично понятию системы восприятия сознания; то есть, мы поня-

ли, что значительные части инстанций эго сами являются бессознательными и нуждаются в помощи анализа, чтобы достичь сознания. В результате анализ эго приобрел в наших глазах намного большее значение. Все, что входит в анализ со стороны эго, — такой же хороший материал, как и производные ид. Мы не вправе расценивать эго просто как помеху в анализе ид. Но, конечно же, все, что исходит из эго, является также сопротивлением во всех смыслах этого слова: силой, направленной против выхода на поверхность бессознательного и, следовательно, против работы аналитика. Таким образом, наша цель — научиться осуществлять анализ эго пациента даже против желания эго и, по крайней мере, не менее надежно, чем анализ ид.

Односторонность аналитической техники и трудности, к которым она приводит

Из того, что было уже сказано, мы знаем, что, уделяя внимание свободным ассоциациям пациента и латентным мыслям сновидений⁹, толкованию символов и содержания переноса, воображаемого или проявленного, мы можем достичь успеха в нашем исследовании ид, но такой анализ является односторонним. С другой стороны, исследование сопротивлений, работы цензуры сновидений и различных, выраженных в переносе способов защиты от инстинктивных импульсов и фантазий, будет способствовать нашему изучению скрытой деятельности эго и суперэго, но этот метод является в той же степени односторонним. Если верно, что только сочетание этих двух линий исследования без уклона в ту или иную сторону, может дать полную картину внутреннего состояния анализируемого, то должно быть верно и то, что, если мы отдадим предпочтение одному из способов аналитического исследования в ущерб остальным,

---

⁹ Используется также выражение «скрытые сновидные мысли», — скрытое, бессознательное содержание сновидений. Если явное содержание сна — это неполное и неистинное изложение сновидения сновидцем, своего рода урезанный вариант подлинного содержания, то скрытое содержание — это полный и точный перевод сообщения сновидца, полученный с помощью интерпретации. — *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru